

СЕЛИЖАРОВО

И вновь я посетил знакомые места.
Здесь каждый бич со мной запанибрата.
Как в объективе фотоаппарата,
Дома вниз головой кидаются с моста.

На старом кладбище могильная плита,
И эпитафия: УСОПШИЙ РАНОВАТО,
и имена вдовы, отца и брата,
И больше ничего - ни древа, ни куста.

Теперь бы выкинуть благочестивый трюк,
И причаститься в местном магазине,
Но холмики утоплены в полыни,
Они, как девочки, не угадаешь вдруг,
Где Волга полосой темно-синей
Очередной опишет полукруг.

* * *

Но вот Коняшкина. Супруга офицера.
Сменив фамилию и Гусаковой став,
Блюла, как и супруг, гвардейский свой устав,
Легко меняючи казенные квартиры,
Пока, исколесив советские полмира,
Осела наконец в районе Теплый Стан.
Мужик ее, в чинах, мотался в Казахстан,
И тайно пьянствовал во глубине Сибири.

А я попался ей однажды на глаза,
В дневном автобусе не уступивши места.
Так и сидел, матерый дикобраз,
А надо мной, качая телеса,
Рассказывала все, что думает о нас,
Былая школьница, иголочка, невеста.

* * *

А Савченко? А Савченко ушел.
Бутылки водки оказалось мало
И он отправился на площадь трех вокзалов,
А Ларин поплутал, но вспомнил и нашел.

Нас, правда, ожидал накрытый стол,
И та, потопсе, все-таки сказала:
- А где же третий? - Савченко - осел! -
Подумал я и выпил из бокала,

И сел, и посмотрел на женщину в очках.
Она, легко покачиваясь, встала,
И, медленно струясь, исчезла на глазах.
Все говорили. Музыка играла.

* * *

Свет ослепительный - нет, не интимный свет,
И натюрморт - бутылки и салаты,
И слишком рукава коротковаты,
Чтоб встать из-за стола и пить "а-ля фуршет",
Приходится сидеть с хозяйкой тет-а-тет.
На первый взгляд, она тяжеловата,
Но сыплются слова из автомата,
Как струйка двухкопеечных монет.

И уши распустив, я попадаю в плен.
Как имечко? Маруся? Роза? Рая?
Позвольте, назову ее Мадлен,
Надежду под конец приберегая.
Рука невидимо касается колен,
Магнитофон шумит, не умолкая.

ПАДЕНИЕ

Когда я подошел к невидимой черте,
Нас было несколько на стулиях и креслах:
Две женщины с розанами на чреслах
И семеро мужчин, как птицы на кусте.

Еще не вечером, но ближе к темноте,
Шел разговор, тем паче неуместный,
Что все было заранее известно
И просто, как кофейник на плите.

Я тоже говорил и отвечал.
Стучали вилки, таяли пельмени,
Кончался спирт - начало всех начал,
Касались пальцев беглые колени,
За занавеской колебались тени,
Пустой будильник вечность означал.

МАХА

Где пальцы смуглые обхватывают плечи,
И столбики сосцов зияют меж локтей,
И лядвии, совсем по-человечьи,
Крыла полуокруглых лебедей,
И губы - продолжение одышки,
И очи опадают в немоту,
Качаются гусиные лодыжки -
Простреленные птицы налету,
И лоновище кажется пернатым,
С обеих осененное сторон,
И путь к нему изнанкою покатою,
Где вздрагивает влажный махаон.
Но действие, оставляемое в раме, -
Потоки полированных ногтей,
Ключицы, поглощенные руками,
И столбики меж скрещенных локтей.

* * *

Я вышел за полночь и поглядел окрест.
На площади, где Юрий освещенный
Над нею водрузил свой долгорукий жест,
Мужик, издалика похожий на бочонок,
Вблизи торчал, как позабытый шест.
Просеменили мне наперерез
Две запоздалицы - барашек и козленок...
Метро закроют! - времени в обрез.
Водителем троллейбус оснащенный
Катил по заводу ненаселенных мест.
Последний спутник нынешнего дня,
Ни слова вымолвить, ни осушить стакана,
Он подберет и уведет меня
От бронзовых коленок истукана,
Руки простертыя и ног его коня.

* * *

Последние у Битцы остановки -
На них и закругляется Москва.
Здесь елочки - английские булавки
И фонарей пугливая кайма,

Полночный мир, заснеженный и древний.
Когда на небе теплится луна,
Похожи на вечерние деревни
Неверно освещенные дома.